

И.С. Хугаев

НЕПОТОПЛЯЕМАЯ УТОПИЯ

И.С. Хугаев*

1. НОВЫЙ МЕНЬШЕВИЗМ. КАТЕХИЗИС ДЬЯВОЛА

7 ноября 2017 года исполнилось 100 лет со дня Великой Октябрьской социалистической революции. Целых 100 лет – а мы до сих пор не поняли, что это было. Наша либеральная пропаганда достигла значительных успехов: «сегодня даже многие образованные люди думают, что большевики во главе с Лениным взорвали процветающую империю, уничтожили под корень цвет нации, поставили на колени малые народы России и установили красный террор единственно из личного властолюбия» (<http://www.vestnik-vnc.ru/Portals/141/2017-3/vnc-2017-2-01.pdf>). Либералы говорят: «Ваша история – ложь, ибо она написана ради оправдания ваших (и ваших отцов) преступлений и сохранения власти... Правда может быть только уделом побежденного, – потому что только это гуманно; а правда победителя – это правда насильника и ничего более» (<http://www.vestnik-vnc.ru/Portals/141/2017-3/vnc-2017-2-01.pdf>).

Эти схоласты выработали «настоящий дьявольский катехизис, который ежевечерне озвучивается на наших государственных телеканалах: нет такой святыни, на которую бы не посягнули современные гуманисты и правозащитники, – и на любой вопрос у них заранее готов «научный» ответ. Черное они называют белым, утверждая, что большинство обмануто и зомбировано исторической пропагандой» (<http://www.vestnik-vnc.ru/Portals/141/2017-3/vnc-2017-2-01.pdf>); примером их соблазнительного мышления может выступать хотя бы следующий вопрос, поставленный одним журналистом известному социологу: «Вы излагаете типичную антизападную доктрину... и я уверен, что она протекает из ваших убеждений; при этом она симпатична 86 процентам россиян; так вот: с вашим интеллектуальным уровнем не обидно ли вам быть гуру для большинства? Нет ли у вас желания работать не только на 86 процентов, но и на более тонкую аудиторию?» (<https://www.youtube.com/watch?v=03KbxDstCBA>).

Вот так: ни больше, ни меньше; и почему он уверен, что оставшиеся 14 процентов россиян представляют аудиторию «более тонкую»? Есть у всех нынешних либеральных полемистов убеждение, что большинство априори грубее и глупее меньшинства, что большинство – непременно «быдло» (вот откуда растут ножки либерально-меньшевистской диктатуры, уже укоренившейся в Западной Европе).

Действительно, ученых меньше, чем неученых, – но правда – отнюдь не прерогатива учености. Ели бы это было иначе, то голос профессора на выборах органов власти приравнялся бы, по меньшей мере, к двум голосам рабочего. В том-то и дело, что правду жизни рабочий и крестьянин знают лучше иного профессора, что они вернее отличают мошенников от честных людей. Правда – прерогатива мудрости и опыта, а они наживаются только честным трудом.

Этот современный меньшевизм, «ратующий повсеместно за права всевозможных меньшинств вопреки даже принципу демократического централизма – воле абсолютного большинства народа, здорового, трудящегося и законопослушного – тоже, как 100 лет назад, смыкается с буржуазной идеологией и льет воду на мельницу финансовых спекулянтов и космополитического олигархата, превративших великую стройку – в великий базар, Страну Советов – в страну услуг.

Теперь они, новоиспеченные меньшевики, в ревностном реваншистском угаре низвели Ленина и Сталина до своего ранга: они называют их хоть выдающимися, но всего лишь политтехнологами, – а чаще эффективными менеджерами. Они обо всем и обо всех судят по себе; им недоступно государственное мышление, они не понимают бескорыстия и не могут вместить уважения к народу, – потому не любят и боятся и Ленина, и Сталина. Самая память о них, самые портреты их являются страшным укором их алчности и тщеславия» (<http://www.vestnik-vnc.ru/Portals/141/2017-3/vnc-2017-2-01.pdf>).

* Хугаев Ирлан Сергеевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ВНЦ РАН (shmiksel@rambler.ru).

2. ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ БРАТЯ

В чем идея этой революции? Социализма и коммунизма? Человек – существо одновременно биологическое и социальное: и индивидуализм, и коллективизм глубоко коренятся в его природе. Но индивидуализм и эгоизм обусловлены его физиологией (телесностью), а коллективизм и альтруизм – его духовной сущностью. Что, следовательно, превыше?..

Существуют, по большому счету, только две этики: «человек человеку волк» и «человек человеку брат». Либеральная идеология утверждает первое, поскольку ее приоритет – свобода индивидуума: «Будьте как волки, – говорят либералы, эти волки в овечьих шкурах, – ешьте, сколько хотите и можете; все придет в равновесие естественным образом». «Будьте как братья, – говорят коммунисты, – потому что нехорошо быть сытым за счет другого». Первое – социальный дарвинизм, или закон джунглей; второе – социализм, или закон государства.

Социализм предлагает: «От каждого – по способностям, каждому – по труду»; коммунизм – «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». А что предлагает капитализм? – «От каждого – по возможностям, каждому – по возможностям». Сегодня, увы, возможности предпочтительнее способностей.

В каждом из нас бодрствует Каин, волк для другого. И в каждом из нас спит Авель, брат для другого. Ибо Каин убил Авеля, и оставил потомство, а Авель не оставил. Мы все – каиниты, кровь братоубийцы течет в жилах каждого человека. Но Авель иногда просыпается то в одном из нас, то в другом; Авель – совесть Каина; все, что прекрасно, создано Авелем. Каином покаянным.

3. ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД

Вся мировая литература с древних времен учит, что жить для себя – хуже некуда. Ибо что дальше?.. Все самые глубокие жизненные драмы связаны с запоздалым осознанием бессмысленности эгоистического существования. Эгоизм и индивидуализм противоречат не отвлеченным гуманистическим идеям, а самому смыслу человеческого общежития. Не за тем же мы собираемся в города, чтобы пить друг другу кровь?..

Платон, давший один из первых в истории анализов феномена государства, который считается и первой «утопией», говорит: *«Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства (...) Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в... государстве мы рассчитывали найти справедливость...»* (<http://lib.ru/POEEAST/>

PLATO/gosudarstvo.txt).

В чем заключается минимальная справедливость? – в том, чтобы у всех, даже при разных способностях, были равные возможности. Это, между прочим, и составляло смысл первых декретов советской власти, а также всеобщего и реально бесплатного образования и медицины. Равенство способностей невозможно, – так природа устроила; но равенство возможностей необходимо, – так должно устроить государство.

И в первую очередь оно должно устроить, чтобы никто не был голоден. Потому что голод – самый деспотичный из земных царей; он унижает человека и не дает ему возможности ни учиться, ни работать, ни созерцать.

Д.И. Писарев заключал: *«Конечная цель всего нашего мышления и всей деятельности каждого честного человека все-таки состоит в том, чтобы разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях; вне этого вопроса нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать...»* (http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml).

Либеральные экономисты говорят: «Пусть выживут сильнейшие; государство – не благотворительное общество»; допустим; но разве государство – торговая лавка или ростовщическая контора?

Современная теория «золотого миллиарда» не однажды предугадывалась в литературе; так, один из бесов Достоевского предлагает меры *«для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо»*, а другой говорит, что он *«взял бы эти девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому»* (<http://www.croquis.ru/1512.html>).

«По-ученому» – это значит почти то же, что сейчас называют «красиво». Но что потом будет с этим миллиардом? Не надо быть Достоевским, чтобы предвидеть, что от миллиарда скоро останется золотой миллион, потом тысяча, потом сто, потом десять и, наконец, один, – он будет самым богатым человеком в истории Земли, и он проклянет свое богатство, – и тоже поздно.

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Что такое бесклассовое коммунистическое общество? «От каждого – по способностям – каждому – по потребностям»: не таков ли принцип распределения результата труда и в каждой отдельной семье? Это, я бы сказал, принцип любви в экономической политике.

Семья – осколок рая, потому что здесь царит любовь. Любящие родители требуют от детей возможно хорошей, в меру сил, учебы – и при этом готовы тратить на них хоть весь бюджет. Коммунизм – это бескорыстие, любовь и семья в пределах страны и целого народа.

Семья – только первый круг любви; а всего их три: семья – народ – человечество. Очевидно, смысл мировой политической истории тоже заключается в любви, – в распространении любви на весь земной шар, пока все человечество не станет одной семьей.

Конечно, *«можно говорить об «утопизме» подобных замыслов, – говорит об идеалах Октябрьской революции В.П. Булдаков, – но нельзя не признать, что... человечество до сих пор страдает от невозможности их воплощения в жизнь»* (http://sceptis.net/library/id_1538.html).

5. НОВОЗАВЕТНЫЕ БРАТЬЯ

Советский атеизм представляет собой особую проблему и всегда был в центре внимания критиков советского строя. Хотя, казалось бы, за что здесь пенять Советам? Все передовые современные государства с гордостью декларируют, что они – государства светские, а не религиозные. СССР – только апофеоз этого прогрессивного явления; это было самое светское государство в истории человечества. Советский Союз – светский союз.

Что же касается моих ссылок на религиозные феномены, то здесь они обусловлены только тем парадоксальным обстоятельством, что это атеистическое государство ближе всех других подошло к практическому исполнению божьих заповедей.

Вспомните Христову притчу: *«У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца?..»* (Мф. 21:28–32).

Коммунисты сказали Богу – «Нет», – но все же честно потрудились в его винограднике; капиталисты сказали – «Да», – но только разоряли божий виноградник. Коммунисты не верили в Бога (и даже крушили храмы), но многие жили по-божески, по законам отца небесного; а капиталисты верят, но многие живут по законам князя мира сего. Рядом с советскими атеистами современные христиане часто выглядят настоящими фарисеями и саддукеями.

Фундаментальная философская дилемма между духом и материей разрешена советским опытом: материализм оказался самым духовным учением. Материализм крайне идеалистичен; *«он... весь, – писал Николай Бердяев, – основан на вере и легко превращается в религию самую фанатическую, как то мы видим в марксизме»* (<http://predanie.ru/berdyayev-nikolay-aleksandrovich/book/69689-istina-i-otkrovenie/>). Действительно, веру в Бога коммунисты подменили верой в человека, в созидательную мощь коллектива; но так ли это преступно, коль скоро правда, что человек – Божье творение, созданное «по образу и подобию»?

Сплоченность советского народа всегда поражала внешних наблюдателей, подобно тому, как уже вполне развращенные римляне говорили в восхищении и недоумении, глядя на первые христианские общины: «Посмотрите, как они любят друг друга!»

Древняя христианская община была первой коммуной, а коммунистическое общество – это политическая форма христианской общины.

6. СТОЛКНОВЕНИЕ, ИЛИ КИРПИЧ И МУЗЫКА

Не так давно в одной из наших провинций произошел неприятный инцидент. Неизвестные разбили стекла в богатом особняке. Об этом мне, от скуки и просто чтобы поддержать разговор, поведал мой приятель, сосед того понесшего ущерб домовладельца.

Можно относиться к этому, как к хулиганству, но кто поручится, что мы имеем здесь дело не с явлением классовой борьбы или, по меньшей мере, классовой неприязни? Мне кажется, что каковы бы ни были мотивы этого преступления, один из забытых сюжетов Александра Грина содержит указание неочевидных и, скорее всего, несознаваемых самим преступником тонких диалектических обстоятельств, толкнувших его на противоправные действия.

Речь идет о рассказе «Кирпич и музыка» (1907). Главный его герой – типичный и классический пролетарий, хотя еще вовсе не сознательный, не революционный, а даже безграмотный. *«Звали его – Евстигней, и весь он был такой же растрепанный, как имя, которое носил: кудластый, черный и злой. Кудласт и грязен он был оттого, что причесывался и умывался крайне редко».*

Когда человеку нечего есть, он начинает пить. Жизнь Евстигнея убога и неразумна, как кошмар: все свое свободное время он пьет и дерется с кем попало, крича *«диким и нелепым голосом»*, а когда наступает час его смены, идет, *«огромный»* и *«дремлющий»*, из рабочей казармы *«туда, где дышали пламенем бессонные, черные печи, похожие на сказочных драконов, увязших в сырой, плотной земле».*

Однажды ночью Евстигней, пьяный, забрел, ругаясь, от тоски в ближний лес, и неожиданно оказался во власти приветливого и утешительного наваждения: *«вдруг... упали в тишину и весело разбежались мягкие, серебряные колокольчики... Торжественно-спокойные, кроткие, они ширлились, уходя в вышину и, снова возвращаясь на землю, звенели и прыгали. (...) их обнял густой звон, и так, обнявшись, они дрожали и плыли. Казалось, что разговаривают двое, мужчина и девушка, и что одна смеется и жалуется, а другой тихо и торжественно утешает».*

Это была всего лишь музыка, но Евстигней впервые слышал музыку, и, беззаветно подчинившись ее сказочному очарованию, ринулся ей навстречу, *«ломая кусты и вытянув вперед руки»*, пока не оказался на опушке перед домом заводского управителя.

«Окна в доме горели, открытые настежь, и из них выбегал широкий, желтый свет, озаряя густую, темную траву и низенький, сквозной палисад».

Внутри, в просторной комнате, обставленной мебелью, Евстигней увидел красивую женщину в голубом платье, игравшую на фортепиано. Восхищенный Евстигней навалился грудью на ограду, отчего она затрещала, – и музыка сразу угасла, «как пламя потушенной свечи».

Беседа между Евстигнеем, снявшим шапку и «мучительно покрасневшим», и женщиной, которая, подойдя к окну, рассматривала его сперва с тревогой, потом как *«интересное, но противное насекомое»*, закончилась тем, что она вдруг залилась *«звонким, неудержимым хохотом»* (вероятно, ее рассмешило именно то, что Евстигней привлекла под ее окна музыка), – и Евстигней *«неожиданно захохотал сам, радуясь неизвестно чему»*. Потом дама в голубом поправила волосы и сказала:

«– Ступай, любезный... Ночью нельзя шляться...

Окно захлопнулось. Евстигней постоял еще немного (...) и пошел спать, а дорогой видел светлые комнаты...»

На следующий день, в воскресенье, после бессмысленной и жестокой пьяной драки в трактире, Евстигней снова направился к дому управителя. Почему и зачем? – Грин не говорит; но ведь ясно, что за утешением, за музыкой, за красотой. Так бездомная собака тяготеет к человеческому жилью. Вот почему, хотя музыки в этот раз не было, Евстигней, когда лес расступился и он увидел огонек на опушке, *«показалось, что где-то поет и переливается тонкий, протяжный звон»*.

Евстигней крадущимися шагами подошел к палисаду и встал на вчерашнее место. *«Теперь были освещены два окна, а третье, откуда вчера Евстигней вежливо предложили уйти, – тонуло в мраке и казалось пустым, черным местом... Он стоял долго (...), решительно ничего не думая, сплевывая спиртную горечь, и ему было скучно и жутко. (...) Вдруг Евстигней вздрогнул и встрепенулся: прямо из окна крикнули сердитым, раздраженным голосом:*

– Кто там?!»

Смущенный до крайности, Евстигней пьяными, непослушными губами пытался объяснить свой очередной визит, – и тогда *«крикнул дрожащий от испуга женский голос; тоскливое, острое раздражение слышалось в нем:*

– Коля! Да что же это такое? Тут бог знает кто шляется по ночам! Коля!»

В доме зашевелились, дверь в смежную комнату распахнулась, *«из мрака выступили мебель, стены и неясная, тонкая фигура женщины (...)*

– Стерва! – взревел Евстигней. – Стерва! Мать твою в душу, в кости, в тряпки, в надгробное рыданье, в гробовую плиту растак, перетак!

Евстигней... быстро нагнулся и выпрямился. Кирпич был в его руке. Он размахнулся, с силой откинувшись назад, и стекла с звоном и дребезгом брызнули во все стороны».

Когда Евстигней устал бежать, он упал на траву и, задыхаясь, повторил:

«– Стерва, сукина дочь!..– (...) И в этом рузгательстве вылилась вся злоба его... против светлых, чистых комнат, музыки, красивых женщин и вообще – всего, чего у него никогда не было, нет и не будет...»

Впервые рассказ «Кирпич и музыка» был опубликован под заголовком «Столкновение», – и этот заголовок точнее указывает его общественную идею (потому, вероятно, и попросили автора переименовать рассказ). О социальной несправедливости много написано глубоких и великолепных произведений, но этот кроткий и неприязнительный рассказ сказочника Грина (автора «Алых парусов»!), лучше многих других обнажает самый нерв классовой вражды и показывает, почему и как становится булыжник – или кирпич – орудием пролетариата.

Оно конечно: Евстигней, как и неизвестные провинциалы, которые мне о нем напомнили, заслуживает наказания. Но посмотрите, как Евстигней смиренно-почтителен, как смягчилось его грубое сердце от музыки! – а ему взяли и наплевали в его умиленное сердце, в его «мучительно покрасневшее» – от стыда за свое ничтожество – человеческое лицо.

Он явился, как брат, – а на него зарычали волком.

Если Евстигней заслуживает наказания, то красивая дама в голубом заслуживает – осуждения. И я не поручусь, что наказание больше осуждения.

Великолепный Иван Бунин, воспевавший дворянскую Россию, писал: *«Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (...) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье»* (<http://bunin.niv.ru/bunin/bio/okayannye-dni-2.htm>).

А что написал бы Евстигней, если бы он, предположим, пережил революцию и Гражданскую войну и выучился грамоте? Он написал бы: *«Наши дети и внуки будут не в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили: всю эту грязь, убожество, горе и нищету»*. Да так и писали – Максим Горький, Максим Горемыка, Демьян Бедный, Михаил Голодный...

Не может быть, чтобы один из этих взглядов был правдой, а другой – кривдой; либо они оба – кривда, либо они оба – правда. И кирпич – правда, и музыка – правда. Но нельзя так, чтобы у одного была только музыка, а у другого – только кирпич. Нельзя допустить, чтобы снова: кирпичом – по музыке.

Не будем рычать друг на друга, братья.